

Библиотечные Преступники

Как-то я напечатал в «Омской правде» подборку фактов, взятых из редкого сейчас сборника «Библиотечные преступники», вышедшего в Харькове в 1924 году тиражом 5000 экземпляров. Хотелся продолжить эту тему уже на нашем, омском, материале.

В ОМСКОМ историко-краеведческом музее хранится маленькая, в несколько страниц, рукопись бывшего директора музея, замечательного краеведа и не менее замечательного знатока книги Андрея Федоровича Палашенкова. Я читал ее давно, поэтому деталей не помню, но суть передаю.

В конце тридцатых годов, будучи научным сотрудником музея, Андрей Федорович поехал в командировку в Тару. Там, зайдя по делам в какое-то учреждение (в какое — не помню), он с ужасом увидел, что несколько человек занимается странным и страшным делом. Они берут из большой груды лежащих перед ними старинных книг по одной, отрывают переплет, сам блок кладут в одну сторону, переплет — в другую. На вопрос, что они делают, был получен ответ: книги эти никому не нужны, места занимают много, приказано их сжечь, но перед этим оторвать переплеты, т. к. картон может пригодиться, материал все-таки...

Палашенков умолял этих трудяг остановиться, бегал по кабинетам, убеждал и убедил, потом достал ящики, грузил спасенное на паром, истратил все, и казенные, и личные, деньги. Это были книги главным образом из библиотек некоторых учебных заведений, закрытых советской властью. В основном, духовного, богословского содержания.

Завершает воспоминания такой эпизод. В Омске директор музея попросила показать ей привезенное. А посмотрев, сказала: «Как мне вас жаль, Андрей Федорович, вы так потрудились, так измучились, а ведь тут нет

ни одной хорошей книги». И «наивный» Палашенков выражает по этому поводу крайнее удивление.

Сейчас эти книги — как жемчужины в собрании научной библиотеки музея. Я держал в руках некоторые из них.

МОИ ХОРОШИИ знакомый — профессор-биолог Кемеровского института Евгений Дмитриевич Логачев после войны был студентом Омского сельскохозяйственного института. Однажды осенью 1948 года он проходил мимо огромного оврага, что простирался за северо-западной стороной институтской территории (сейчас по бывшему оврагу ходят трамваи и ездят машины; он за телецентром, представляете?). Из оврага тянуло дымом, и Логачев увидел внизу костер и человека возле него, а рядом с костром — большую грудку книг. Спустился, полистал одну, другую, третью. Все были по генетике. Недавно прошла печально знаменитая августовская сессия ВАСХНИЛ, разгромившая отечественных «вейсманнистов-морганистов», т. е. по сути дела уничтожившая целую отрасль науки, и из институтской библиотеки изгоняли их труды. Книг было много: один рабочий возил их в овраг на подводе, другой — жег.

Логачев стал упрашивать отдать хотя бы часть ему. Соглаasia не последовало: дело, мол, опасное, политическое. Вот если бы... Логачев прозрачный намек понял, тотчас же договорился с мужиками, что, пока он бегает, они сделают перекур, а сам помчался в ближайший магазин и вывернул там свой тощий студенческий кошелек. Хватило на литр. «Бери, сколько унесешь», — благосклонно было сказано ему. Парень Логачев был здоровый и унес порядочно.

Сейчас бывают случаи, когда позанимаются с этими книгами к Логачеву в Кемерово приезжают из других городов: такие книги есть только в самых круп-

ных библиотеках. Все было уничтожено, по всей стране.

— Всех пускаю, — рассказывал мне Евгений Дмитриевич, — пусть занимаются. Только ни одна книга, пока я жив, за порог квартиры не уйдет.

ИСТОРИК И АРХИВИСТ Евгений Николаевич Евсеев, мой давний приятель, рассказал такую историю.

Дело было в пятидесятых годах. Однажды он пошел на толкучку, которая располагалась тогда на Слободском рынке, ныне уже не существующем. Ходил, бродил и увидел совсем еще молодого человека, торгующего книгами. Они лежали прямо на земле — на подстеленном брезенте. Евсеев одну купил. Это был роскошно изданный «Витязь в тигровой шкуре». Тут же, отойдя в сторону, стал листать. И вдруг увидел замытые штампы Пушкинской библиотеки. А незадолго до этого библиотеку крупно обокрали. Евсеев знал все подробности, так как там работала его жена.

Моментально вернулся он к парню, заставил собрать товар и поволол в базарный оперпункт. Но паренек, изловчившись, вырвался и убежал, оставив книги.

Евгений Николаевич все-таки пришел в оперпункт, начал объяснять, показывать книги, говорил, что надо завести дело, начать искать преступника...

— Да что вы со своими книгами, — сказал ему. — Вот, человек сидит, у него кошелек украли. Бон у того — валенки. У женщины сумку вырезали. Забирайте книги и не мешайте работать...

Среди брошенного вором оказалось еще несколько книг из «пушкинки». Их, как и «Витязя», Евсеев сдал в библиотеку, а остальные оставил себе.

Но на этом история не заканчивается.

Примерно через год Евсеев пошел в кинотеатр «Художественный». Встал в очередь за билетами, народу было довольно много. Как

всегда, кто-то вскоре полез без очереди. И Евгений Николаевич увидел, что лезет не кто-нибудь, а именно тот парень с толкучки. На счастье тут же рядом возле касс оказался старшина милиции. Евсеев объяснил ему, что к чему, и парня повели в отделение.

И опять же дело показалось властям пустяковым, они явно не хотели им заниматься. Занялись только под давлением тогдашнего директора библиотеки Ефросиньи Григорьевны Хреbtовой — человека в городе известного и авторитетного.

Произвели в доме вора обыск и напши на чердаке немало библиотечных книг. Главным образом это были тома словаря Брокгауза и Эфрона. Видимо, «книголюба» привлекло их золотое тиснение...

В НАЧАЛЕ 1977 ГОДА в Любино внезапно умер Иван Семенович Коровкин — известный фольклорист, краевед, литератор. В Омск никто ничего не сообщил, и в писательской организации узнали о несчастье, когда в Любино уже девять дней отлежался в больнице Татьяна Георгиевна Леонова, бывшую учительницу, хорошо знавшую Коровкина. Евгению Николаевну Жданович и меня писательская организация командировала в Любино. Мы купили венок и поехали.

Я знал, что у Ивана Семеновича хорошая библиотека, богатый архив, и естественно, с тревогой думал о том, не случилось ли с ними чего за эти дни.

Зашли в дом, представились вдове. Она начала плакать, всплакнули и мои спутницы. Покойному было всего 58...

Украдкой прошел я на кухню и приоткрыл дверцу приготовленной к топке печи: она была полна бумаг. Увидев эту картину, я осмелел и, пацкаясь сажей, стал вытаскивать содержимое печи на пол.

— Да зря вы, зря, — улыбаясь я за спиной, — там только самое ненужное.

Но я, что-то пробормотав, все-таки продолжил свое занятие.

Письмо Вяловой Васильевой — второй жены поэта Павла Васильева, фольклорные записки, что-то еще, сейчас уже не помню, оказались среди «самого ненужного». Помню, что набралась порядочная стопка.

Сколько раз за эти дни топилась таким образом печь и что в ней сгорело?

Вопрос, понятное дело, безответный.

Побывав на кладбище, мы пошли в райком партии и объяснили ситуацию. Нам дали ключ от пустого кабинета (хозяин уехал на учебу) и выделили «Волгу». В два рейса мы вывезли архив. Грузили, не разбирая, не читая, — все подряд. Иногда случайно попадалось на глаза: вот письмо Драверта, вот — Твардовского, Леонида Мартынова, вот дневничковая тетрадь самого Ивана Семеновича, чья-то рукопись...

— Забирайте, все забирайте, — удовлетворенно говорила вдова. — Мне эту комнату белить надо, квартирентов пускать сюда буду.

Архив благополучно пролежал в запортом кабинете до тех пор, пока его не забрали в Омск сотрудники областного госархива. Сейчас там — личный фонд Коровкина.

Закончив с бумагами, принялись за книги. Их вдова намеревалась продать. Стали делить библиотеку на две части: на ту, которую можно продать кому угодно, и на ту, которую надо продать целенаправленно — для будущего литмузея. Во вторую вошли многочисленные ценные книги с автографами, редкие издания, лите-

БЫЛО ВРЕМЯ, когда в одном из коридоров Пушкинской библиотеки стояли четыре больших застекленных шкафа — личная библиотека поэта и ученого Петра Людовичевича Драверта. Книги там есть речайшие.

Я любил, отупев от работы в читальном зале, выйти в коридор и просто постоять возле этих шкафов, заглянуть в них, полюбоваться золотым старинным тиснением. Так вот, в один прекрасный день шкафы из коридора исчезли, их убрали куда-то в глубь здания. И убрали не случайно.

За несколько дней до этого один из читателей заработался в читальном зале до самого закрытия библиотеки, а потом... как-то где-то ухитрился спрятаться. Ну, прямо, как герой фильма «Похищение святого Луки». Остался один в здании, вскрыл дравертовские шкафы, не спеша выбрал нужное и стал ждать утра, чтобы сменить с первыми посетителями. Как уж он думал пронести украденное через контроль, неизвестно.

Утром «букнист» был пойман. Книги вернулись на свои полки, а вот шкафы убрали от греха подальше. Правильно, конечно. Но

ратуроведение, довоенная Литературная Энциклопедия и т. п. — набралось довольно много.

К электричке еле успели. Однако, все наши труды по разбору библиотеки оказались напрасными: краеведческий музей не сумел оперативно решить вопрос с покупкой и вывозкой книг. А тем временем приемный сын Коровкина, алкоголик, сумками таскал книги на пропой. Остались лишь какие-то крохи.

стало грустно проходить по этому опустевшему коридору.

Р. С. А что, уважаемый читатель, не продолжить ли нам с вами эту тему, но уже вместе. Ведь, наверняка, вам известны и другие факты преступного отношения к Книге. Короче — ждем писем на эту тему.